

Джонатан Троппер
На прощанье
я скажу

[roman]

CoRpus

От автора романа
“ДАЛЬШЕ ЖИВИТЕ САМИ”

Джонатан Троппер

На прощанье я скажу

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6254919

На прощанье я скажу : роман / Джонатан Троппер ; пер. с английского

М. Глезеровой. : АСТ: CORPUS; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-083149-4

Аннотация

В новом романе Джонатан Троппер снова рассказывает о мужчине, переживающем кризис сорокалетних. Дрю Сильвер, некогда известный музыкант, после развода не живет, а плывет по течению. Перебивается случайными заработками, обитает в убогой квартирке, общается в основном с такими же неудачниками. Даже с дочерью почти потерял контакт, и о своей беременности она сообщает ему только потому, что надо с кем-то поделиться, а маму огорчать не хочется. А еще выясняется, что у Сильвера серьезные проблемы с сердцем и необходима срочная операция. Но у нашего героя почти нет желания жить...

Содержание

Книга первая	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	19
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	52
Глава 9	57
Глава 10	61
Глава 11	66
Глава 12	69
Глава 13	76
Глава 14	81
Глава 15	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Джонатан Троппер

На прощанье я скажу

Jonathan Tropper
One Last Thing Before I Go

Перевод с английского Майи Глезеровой

© Jonathan Tropper, 2012

Книга первая

Глава 1

Вторник. Меньше трех недель до свадьбы жены и пары дней до того, как Сильвер подумает, что не стоит очень уж цепляться за жизнь, если она так же бездарна и никчемна, как у него. Прошло семь лет и около четырех месяцев с тех пор, как Дениз развелась с ним, имея на то внушительный список причин, и примерно восемь лет, как его группа "Поникшие маргаритки" выпустила единственный альбом и проснулась знаменитой за счет одного лишь хита "Покойся в распадае". Одним благословенным летом казалось, что весь мир распевает эту песню. А потом все перестали, а он уже не мог остановиться – хотя вообще-то Сильвера дважды останавливали: за вождение в нетрезвом виде и за домогательства; и он бы поведал вам об этом, если б смог, но, скажем так, подробности слегка испарились из его памяти, и теперь все это уже история. Затем записывающая компания произвела у него за спиной кое-какие манипуляции, и Пэт Макгриди, вокалист группы, отправился в суперуспешное сольное плавание, оставив Дэнни (бас-гитара), Рэя (гитара) и Сильвера (ударные) наедине с их до боли тусклыми жизнями в родном Элмсбруке. Податься было некуда, и Сильвер вер-

нулся домой, где и обнаружил, что Дениз уже сменила замок и обратилась к адвокату за разводом.

Но все это случилось тогда, а сегодня вторник, спустя восемь лет и несчетное число ошибок. Сильверу сорок четыре, хотя верится с трудом, он потерял форму и провалился в депрессию – хотя он не уверен, что это можно назвать депрессией, раз есть все причины в ней находиться. Скорее тебе просто тоскливо или одиноко, или ты каждый божий день остро сознаешь, сколько всего уже никогда не вернуть.

А в субботу Сильвер и Джек отправляются подрочить.

– Это обручальное кольцо?

Они гонят по хайвею в кабриолете Джека, BMW десятилетней давности, и тот замечает на пальце Сильвера кольцо. Джек на чем свет стоит честит трек хип-хопа, делая вид, будто понимает слова, Сильвер же рассеянно барабанит пальцами по коленкам. Они ровесники, по сорок четыре, оба известные мастера принимать феноменально неверные решения.

Он забыл снять кольцо. Одному богу известно, сколько он его проносил. На пальце со времен брака осталась вмятинка, и всякий раз, как он надевает кольцо, оно садится на место, словно деталь в паз, и Сильвер напрочь забывает о нем. Расстроенный, он стягивает кольцо и засовывает в карман – пусть бренчит вместе с прочей мелочью.

– Какого хрена, Сильвер? – спрашивает Джек, стараясь перекрычать гул автострады, хип-хоп и беспрестанный звон

в ушах Сильвера.

Он страдает от шума в ушах, приступы колеблются от средних до сильных. Лечению болезнь не поддается, и, насколько ему известно, никто особо не стремится привлечь к проблеме внимание общественности или профинансировать исследования. Он страдает в полном одиночестве.

– Я просто с ним играл.

– Это твое обручальное?

– А какое еще бывает?

– Не знаю. Подумал, может, ты пошел и купил себе новое.

– Какого черта я вдруг стану покупать обручальное кольцо?

– А с чего тебе носить старое, через десять лет после развода?

– Через семь.

– Прости. Через семь. Признаю ошибку.

Джек расплывается в хитрой улыбочке типа "я знаю тебя лучше, чем ты сам". Той самой, от которой у Сильвера возникает желание воткнуть в глаз Джека указательный палец, завести его за переносицу и высунуть обратно через другой глаз, смастерив таким образом удобную ручку, с помощью которой можно содрать его лицо.

– Что-то не так, Сильвер?

– А что может быть не так? Мне сорок четыре, еду сонанировать в стаканчик ради семьдесят пяти долларов. Живую жизнь мечты.

Джек ухмыляется:

– Самые легкие деньги в твоей жизни.

Большую часть времени, проведенную с Джеком, он гадает, действительно ли Джек верит в собственный бред или притворяется. Оба – разведенные мужчины среднего возраста, их дружба родилась из общей неустроенности, потому что так уж случилось, что они жили на одном этаже "Версаля". Джек считает, что Сильвер в депрессии, Сильвер считает Джека идиотом, и оба они, в общем, так или иначе правы.

Они держат путь в дополнительный офис Медицинского исследовательского центра "Блечер-Ройял", где регистрируются, сдадут анализ крови, а затем интенсивно поработают рукой и безыскусно кончат в лабораторную емкость. Это будет сделано без каких-либо химических лубрикантов – во имя науки – и за семьдесят пять долларов еженедельного вознаграждения.

Они участвуют в испытаниях лекарственного препарата (Джек нашел объявление в интернете), который, как предполагается, сможет без использования гормонов лечить малую подвижность сперматозоидов у мужчин. Возможные побочные эффекты включают резкие перепады настроения, головокружение и, странным образом, ослабление либидо, о чем без тени иронии на двадцатиминутном представлении препарата им сообщил администратор.

Вы предпочтете не знать об этом кабинете – комнатенке, обильно обработанной дезинфицирующими средствами, о

захватанных порножурналах, к которым он не притрагивается, думая о всех тех липких руках, что уже их пролистали. О депрессивном маленьком телевизоре на шаткой подставке ИКЕА и скромной стопке DVD с корешками, помеченными либо Гт (гетеро), либо Гм (гомо). Или о том, как он не садится в кресло, не ставит диск, а просто стоит посреди комнаты, в трусах, повисших у щиколоток, и пытается вызвать в памяти образы девушек, с которыми спал в далекой юности, когда его целиком поглощали глубокий страстный поцелуй, вид обнажившейся груди, полужакрытые глаза распяленной девушки, которая, глядя ему в лицо, жадно тянется к его ширинке.

Но, как всегда, как раз перед тем, как сперма, булькнув, коснется дна стаканчика, как бы он ни сопротивлялся, перед глазами встает Дениз, смотрящая исподлобья с обычным своим презрением, и это лишает момент последних крупниц наслаждения, которые он еще мог доставить.

Последняя капля, холод влажной салфетки и затем – тепло его семени на кончиках пальцев сквозь пластиковые стенки; по ощущению – самое живое из всего, что он вообще способен из себя выдавить.

Глава 2

Джек уже отстрелялся и болтает с девушкой за стойкой в холле. Она явно не его типа – эдакая мышь, с вялой россыпью прыщей на скулах, – но Джек предпочитает подстраховаться. Никогда не знаешь, кто еще нарисуеться на горизонте.

Джек – риелтор, с вечно зажатой между пальцев визиткой, которую он неуловимым жестом сует вам в руку, так, что вы и не заметите, как он это проделал. Он имеет уверенный и самодовольный вид человека, который всегда доводит дело до конца, касается ли оно постели или покупки особняка в колониальном стиле. Собственно, он известен тем, что частенько добивается и того, и другого одновременно. Это происходило и когда он был женат, так что брак, конечно, был вопросом времени. Случилась одна пуэрториканская барменша. Как-то раз во время ужина она заявила к ним домой с проклятиями на испанском языке. Жена гонялась за ним сначала с мясорубкой, а потом с командой адвокатов из юридической конторы ее отца.

– А вот и он! – говорит Джек, оповещая весь офис о выходе Сильвера. – Ты случаем не решил для начала отужинать? Я чуть было не послал Вики разведать, что там и как.

Вики улыбается, смущенная, может, даже немного обиженная, но в то же время польщенная. Такой уж у Джека талант.

– Я в порядке.

Он протягивает Вики свой стаканчик, стараясь не встретиться с ней взглядом, она вручает ему чек, и вот так вот за- просто он продал свое семя. Контейнер непрозрачный, и все же отдавать женщине собственную сперму всякий раз кажется диким.

– Отличная работа, – Джек похлопывает Сильвера по спине, они выходят на полуденное солнце.

И это моя жизнь, думает про себя Сильвер и, как всегда, изо всех сил старается не запаниковать.

Позади немало ошибок.

Непонятно, с чего начать. Все шло не так настолько давно, что пытаться вычленить отправную точку – все равно, что пытаться определить, где начинается твоя кожа. Ты лишь знаешь, что она покрывает тебя целиком, порой чуть плотнее, чем хотелось бы.

Но, несомненно, какие-то ошибки были. Нехорошие ошибки. Чтобы понять это, довольно лишь взглянуть на него.

Во-первых, он набрал жирка. Не того безобразия, о котором пишут в журналах, но все-таки. Уже изрядное время он не занимался никакой физической активностью. "Физическая активность" – так вообще нынче говорят? Он не уверен. Распад еще не начался, но трещинки быстро превращаются в разломы, явно обозначилось пузо, намечаются брыли, и в теплое время года необходимо точечное нанесение дет-

ской присыпки, чтобы избежать трения и опрелости.

Чтобы не пахнуть присыпкой, он злоупотребляет дезодорантом и обильно поливается *Eternity* от *Calvin Klein*. Он разбрызгивает туалетную воду в воздух, а потом проходит через облако – как делала его мать, когда он был ребенком. Так что да, теперь он толстый парень, от которого разит детской присыпкой и туалетной водой, сидящий в одиночестве в пиццерии, оставляя жирные пятна в книжке и не читая ее, промокающий салфеткой масло с плохо выбритого подбородка и поглядывающий на всех входящих хорошеньких девушек.

Сочти вы его жалким типом – это было бы вполне объяснимо. А может, и педофилом.

Вот почему он стал последнее время носить старое обручальное кольцо. Не потому, что скучает по Дениз, он ни капли не скучает, и это, вероятно, является печальным подтверждением того, что она всегда думала о его эмоциональности. А потому, что это золотое кольцо на пальце меняет всю картину, отбрасывает на него легкий отсвет респектабельности. Подразумевает, что он возвращается домой к кому-то, кто находит в нем что-то стоящее, кого не отвращает хотя бы редкий физический контакт с ним, что делает его очевидные недостатки не столь основательными. Это может осложнить дело, заговори он с привлекательной женщиной, но женщины, с которыми он нынче общается, по большому счету не из тех, кого смутит обручальное кольцо.

Глава 3

У него вошло в привычку развеивать депрессивный осадок от посещения банка спермы в "Последней странице", большом независимом книжном в тихом районе нижней части Элмсбрука. Обычно он читает журнал *Rolling Stone*, пьет содовую, восполняя запас жидкости, и ждет.

Лили приходит без четверти три. Ее длинные волосы небрежно стянуты резинкой и уже рассыпаются, легкие белокурые пряди выбиваются и летят за ней, как хвост кометы. Волосы столько раз красили в самые разнообразные оттенки белого, что они потеряли представление о собственном природном цвете, и корни теперь скорее невнятные. На ней черные колготки, ковбойские сапоги, свободный кардиган землистого оттенка. Она несет гитару в мягком черном чехле за спиной, кверху грифом, как меч ниндзя.

Сильвер пристально наблюдает за ней со своего насеста в кафе. Недостатков хоть отбавляй: сильно выпуклый лоб, маленький бойцовский нос, кривой зуб с одной стороны. Но все в целом слагается в нечто крайне привлекательное, и эта дробная красота остается с ним даже после того, как Лили проходит мимо, направляясь к детскому отделу.

Он любит ее так, как мужчина способен любить женщину, с которой никогда не говорил, а это значит куда больше, чем вы могли бы подумать. Это любовь чистая, эпическая в

своём роде. Если бы понадобилось, он бы ради нее встал на пути несущегося автобуса. Единственная, ради кого еще он на это готов, – это Кейси, его дочь, которая, по некоторым его догадкам, даже получила бы удовольствие от подобного зрелища. За восемнадцать лет ему так и не удалось всерьез проявить себя на ниве отцовства. Печальная правда такова, что, умри он за Кейси, это стало бы единственным очком в пользу искупления и вряд ли помогло существенно поправить положение. Умереть каждый дурак может, верно?

Он крадется между стеллажами, как какой-нибудь воришка. Он уже различает тихие струнные переборы Лили, прерываемые шипением кофемашины в кафе при магазине. Она играет здесь дважды в неделю для кучки малышни трех-четырёх лет, которая сидит кружком у ее низкого пластикового стула, пьет сок и подпевает, покуда няни тихонько болтают меж собой на разных островных диалектах.

Сильвер стоит в отделе книг "Помоги себе сам", где он может слушать, не вызывая ничьих подозрений. "Плоский живот за тридцать дней", "Как питаться, чтобы похудеть", "Учись уважать себя" – миллиардная индустрия, выстроенная на абсурдной идее, что человека можно исправить. Он делает вид, что просматривает книги, на самом деле наблюдая за игрой Лили. Все ее тело движется в такт аккордам, светлые волосы покрывалом падают на лицо, и вот она поднимает взгляд на детей и начинает петь.

Кот вернулся домой
прямо на следующий день
кот вернулся домой
мы думали, он сбежал
но вернулся домой
он просто не захотел остаться без нас,
без нас, без нас, о да!

Объяснить это невозможно. Очевидно глупая детская песенка. И ее тонкий голос дрожит на высоких нотах, а порой и вовсе срывается. Но она поет с чувством, так, будто это честная, искренняя песня о любви, самая потаенная ее боль, переложенная на музыку. Дурацкая песенка слишком ничтожна, чтобы вместить всю ее энергию, поэтому она выплескивается через край, наполняя комнату, наполняя его. Дети подпевают разнобойным хором – они здесь уже не в первый раз, но ее голос взлетает над ними, парит где-то между вентиляторами на потолке этого маленького магазинчика, все еще цепляющегося за жизнь в эпоху цифровых технологий. Он ощущает знакомый ком в горле, это парадоксальное чувство, будто теряешь что-то, чего никогда не имел. К третьему куплету он уже окончательно побежден.

Сосед поклялся пристрелить кота
он зарядил ружье гвоздями и динамитом
он все ждал и ждал, когда кот выйдет
девяносто семь мелких кусочков

вот все, что осталось от соседа
но кот вернулся домой...

Временами на него волной накатывает пронзительная ясность – его бросает в холодный пот от сознания того, что он потерял и во что превратился. Он прячется там, напрочь лишенный помощи в отделе "Помоги себе сам", не пойми что среднего возраста, с усталыми ногами, звоном в ушах и большим сердцем, пытающийся унять слезы, вызванные женщиной, с которой даже не знаком, на разрыв аорты поющей о покушении на кота.

Как он это видит? Он балансирует на грани. По прикидкам, у него, может, еще один последний шанс на настоящую и долгую любовь, и это если не брать в расчет его покалеченную и в высшей степени сомнительную способность на это чувство. За свою жизнь он любил больше женщин, чем следовало. Он не столько окунается в любовь, сколько пикирует в нее, как камикадзе, бесстрашно, на предельной скорости. Он всегда был склонен считать это свойство скорее даром, нежели проклятием, но теперь понимает, что оно – лишь очередное свидетельство того, что он не в порядке.

Он один уже давно, больше семи лет. В какой-то момент одиночество становится скорее привычкой, чем состоянием. Приходит время, когда уже не смотришь на телефон, недоумевая, почему и позвонить некому, уже не стрижешься, не

качаешься, не думаешь, что завтра – первый день оставшейся тебе жизни. Потому что завтра – это сегодня, сегодня – это вчера, а вчера тебя отметелило до полусмерти и поставило на колени. Единственный способ не двинуться умом – прекратить надеяться на что-то лучшее.

Но в глубине души он еще не готов сдаться, все еще верит, что где-то там есть она, женщина, которая разглядит мужчину за этим расшатанным, распадающимся остовом, женщина, которая точно знает, что нужно делать с таким безнадежным любовником-камикадзе. И он знает, что эта частица его непременно умрет, если ему когда-нибудь еще доведется крепко уснуть.

Первую девушку, в которую он влюбился, звали Софи Кинслауэр. У нее была короткая рваная стрижка и на шее розовое родимое пятно в форме рога. Когда они впервые поцеловались, она издала чуть слышимый стон, открывший мир плотской чувственности, о котором он прежде лишь смутно догадывался. Им было по шестнадцать, в темном закутке парковки за школой в этот момент шла какая-то игра, и когда она застонала, он вдруг услышал, что вторит ей, как будто она разбудила в нем нечто, о чем он и не подозревал. Она прижалась к нему всем телом, раскрыв рот, чтобы принять его язык. Следующие несколько недель она оккупировала его, как армия страны-победительницы. Дома он мастурбировал так яростно и часто, что в какой-то мо-

мент испугался, что всерьез себе навредил. Встречаясь, они целовались исступленно, покуда не распухали губы и не неме-ли языки. А потом все закончилось в один день. Он не помнит ничего конкретно, но простая статистика и холодный спазм в животе, стоит только подумать об этом, красноречиво доказывают, что все случилось с его подачи, что это он выискал в ней недостаток, за который цеплялся, пока не разучился видеть все остальное.

Глава 4

Стоит лето, воздух насквозь пропитан влажностью, от которой едва дышишь, а рубашка на спине намокает, стоит только выйти на улицу. Они с Джеком и Оливером сидят в своих обычных шезлонгах у бассейна "Версаля", делая, как и все остальные, вид, что не пялятся на девушек-студенток.

А может, они уже не девушки? С ними не разберешь, с этой стайкой загорелых девиц в бикини, растянувшихся в шезлонгах, как шоколадные батончики, у того края, где поменьше. Он, как обычно, сидит между Джеком и Оливером, наискосок от девушек, изображая, что читает журнал. Вокруг бассейна сидят прочие особи мужского пола, поодиночке и группками, все как один унылые и потасканные, истязают себя, бросая исподтишка взгляды на запретные плоды.

Нет, вы только посмотрите на этих девчонок, – кажется, уже в третий раз повторяет Джек. Сильвер предпочитает его игнорировать.

Они и без него в курсе. Им не нужны его комментарии. В конце концов они мужчины – возможно, уже не те, какими были когда-то или какими, быть может, могли стать, – но все же мужчины. А эти девушки, эти женщины... что ж, они блистают своим цветущим совершенством, намазанные солнцезащитным кремом, который поджаривает их мягкую, без единого прыщика кожу до медового отлива, куда они

читают книжки и дешевые журнальчики, тюкают по разного рода девайсам, упрятым в розово-красные чехлы, или слушают айподы, а пальчики с идеальным педикюром подергиваются в такт музыке. Они проделывают то, что девушки обычно делают, когда им нравится музыка – вытягивают губы трубочкой, будто целуя воздух, и раскачивают головами вверх-вниз.

Бассейн по идее предназначен только для резидентов расположенного вблизи автострады "Версаля", отеля у самой автострады, где сдают номера-квартирки на долгий срок. Но девушки приходят сюда как гости Джека, и никто пока не жаловался. Они учатся в Хадсон-колледже, что всего в четырех кварталах от гостиницы, на другой стороне трассы 9. Семестр только начался, и иметь под боком у местечка вроде "Версаля" столько молодых созревших женщин – все равно, что хранить спички в ящике с динамитом.

Да, он живет в таком отеле. Ошибки.

"Версаль", тусклый монолит, во все свои четырнадцать этажей надгробием нависает над запутанной сетью дорожек, вливающихся в автостраду 95-Это единственное многоквартирное здание в пределах Элмсбрука. Много лет назад его переделали в апартамент-отель, где номера можно снимать на недели или месяцы. И в этом своем воплощении он ожидаемо стал прибежищем несчастливых, надломленных мужчин Элмсбрука, отлученных от дома в результате распавшихся браков. Над этим местом витает дух поражения – мужчины

среднего возраста живут в одиночестве в маленьких, скудно обставленных гостиничных клетушках. "Он теперь живет в «Версале»", – говорят о ком-то, и всем сразу понятно, о чем речь. Об этом самом здании. Бассейн, спортзал, консьерж, плюшевая мебель в холле; все эти удобства не в силах затмить того факта, что это место, куда сбиваются покалеченные жизнью мужчины, чтобы зализывать свои раны, пока битвы за совместно нажитое имущество и права на детей медленно проигрываются по цене примерно шестьсот долларов в час плюс расходы.

На заключенном в рамку архитектурном рисунке, который до сих пор висит в лобби, здание изображено в мягких белых тонах, сияющим в лучах солнца; оно окружено изумрудными лужайками, осененными пышными кронами ясеней и дубов. Но комиссия по зонированию потребовала увеличить площадку для парковки, так что лужайка, деревья и детишки со своими красными и желтыми воздушными змеями так и остались лишь на бумаге, а выхлопные газы с окрестных хайвеев постепенно превратили "Версаль" в вертикальную глыбу цвета грозовой тучи. Трудно постичь логику решения выставить эту картинку здания во всем его нереализованном блеске – быть может, это чья-то злая шутка или безыскусная метафора, своего рода подсознательная попытка для обитателей отеля.

Когда Сильвер был еще женат, здание – тогда еще в куда более приличном виде – всплывало в качестве ударного

аргумента, венчавшего споры и размолвки: "Я такая невыносимая, почему бы тебе просто не съехать отсюда? Наверняка в «Версале» найдется свободная комната..." Примерно в таком духе. Проматываем семь лет – и он-таки здесь; вся его жизнь сводится к бюджетному двухкомнатному номеру на девятом этаже, по соседству с товарищами по оружию – мужьями, изгнанными с элмсбрукских улиц, обсаженных деревьями, из укрытого коврами и затененного шторами тепла основательных поскрипывающих особняков в колониальном или тюдоровском стиле, вырванными из брака и семьи, но все еще расплачивающимися за нее в прямом и переносном смыслах. Они выплачивают кредиты за дом, в котором их уже не привечают, платят за новый гардероб, стрижки, косметологов и эпиляцию бывших жен, за их членство в спортклубе – за все, что делает подтянутыми, гладкими и упругими тела, которых им уже не коснуться, платят за персональных тренеров, которые, вероятно, имеют их жен, и за адвокатов их жен, которые имеют их самих, и за собственных адвокатов, которые годятся лишь на то, чтобы четкими юридическими терминами объяснить клиентам, что их поимели. Платят за занятия бейсболом и футболом, и уроки фортепиано, и фигурное катание, и карате, и одежду, и частную школу, и логопеда, и репетиторов, и внеклассные программы, и медицинскую страховку. Стоя в холле, вы ощущаете, как здание вибрирует от коллективного возбуждения отчаявшихся мужчин, живущих в состоянии непрерывно сдерживаемой

паники. Они вечно измотаны, стараются не заглядывать в выписки со счета, реализуют стремительно тающие активы, понимая, что недолго смогут справиться с этим невероятным хаосом, прежде чем все задохнется в миазмах судебного яда и банкротства.

Так, мужчины "Версаля", братья по несчастью, поддерживают друг друга, незаметно, как это заведено между мужчинами, и мелкие непрочные дружбы, питаемые выгодой, тихонько прорастают, как мох в тундре. Они скулят и ноют всем, готовым внимать столь понятным и знакомым жалобам на суды, допотопные законы, чертовых тварей адвокатов и эту непривычную, вынужденную и якобы невыносимую нищету, в которой они все оказались. А когда не скулят, из последних сил пытаются уверовать в то, что это не навсегда, что они еще способны обрести любовь, что мы не умрем в одиночестве и что в ближайшем будущем случится хоть какой-то секс. Но пока они хандрят, злоупотребляют выпивкой и пялятся на девушек неподходящего возраста, ожидая про света в жизни, гадая, когда же наконец начнет фартить.

Что снова возвращает нас к студенткам.

– Нет, серьезно, ты только погляди на них, – говорит Джек.

Джек хорош собой как раз так, что ему сходят с рук подобные беззастенчиво плотоядные взгляды. Он высок и строен, сложен специально для того, чтобы, развалившись в шезлон-

ге с голым торсом, строить глазки и кокетничать. У него темные жесткие волосы и ямочка на подбородке, как положено супергерою. Они с Сильвером были лишь случайными знакомыми в своих прошлых жизнях, входили в не слишком сплоченный кружок мужей и отцов, связанных не столько настоящей дружбой, сколько дружбой своих жен. А нынче это кружок людей, связанный отсутствием жен. Никто не радовался разводу Сильвера больше Джека, который чуть ли не джигу сплясал прямо в холле, когда тот перебрался в "Версаль".

– Ты пялишься на них, – бурчит Оливер из-под мятой бейсболки, прикрывающей его лицо, – а я здесь посапываю.

Оливеру сильно за пятьдесят, высокий, здоровенный, с обвисшей кожей, усталым взглядом и океаном пива, плещущимся в животе. Он – один из немногих, кому необязательно жить здесь, вообще-то он достаточно богат, чтобы жить где угодно, но ему нравится вот это братство. Он был трижды женат, обзавелся детьми, которые с ним не разговаривают, и внуками, которых он никогда не видел. Оливер на четырнадцать лет старше Сильвера, а Джек – сексуально озабоченный женоненавистник, но каким-то образом – он и при желании уже бы не припомнил как – они стали одной компанией.

И вот они полеживают здесь, каждый день поджариваясь на солнце. Джек – длинный и сухощавый, только сейчас начавший слегка терять форму. Сильвер – поправившийся везде, где можно, как стареющий бейсболист-питчер, ну и Оли-

вер, уже давно обрюзгший, с обвисшим пузом, которое придает его фигуре очертания, смутно напоминающие грушу. Джек и Оливер – как иллюстрация его до и после, сам же он находится где-то посередине, в том самом моменте, с которого все пошло не так.

– Разумеется, есть очевидные факты, – продолжает Джек, игнорируя Оливера. – Анатомические преимущества – это само собой. Но заглянем поглубже. Посмотрите на их глаза, на то, как они двигаются, как смеются. Они излучают эту... неиспорченную сексуальность. Они все еще любят мужчин. Еще по крайней мере тысяча трахов отделяет их от разочаровавшихся, циничных женщин, в которых они неизбежно превратятся.

– Или одна ночь с тобой.

– Да иди ты, Оливер.

– Они вроде слегка юны для тебя, ты не находишь? – говорит Сильвер.

– Да ни хрена, – отвечает Джек. – Кто, по-твоему, воздаст им должное? Мальчишки из их колледжа? Ты вспомни себя в двадцать лет. Ясное дело, у тебя был непрерывный сто-як, но разве ты в этом хоть что-то понимал? Разве ты знал, как доставить женщине удовольствие? Тебя это вообще разве заботило? Нет. Тебя волновало только, кому вставить, и в девяти из десяти раз ты кончал еще до того, как она разогревалась.

Сильвер думает о девушке, имени он не помнит, которая

лежала под ним в кровати своей тесной общежитской комнатки, ее распахнутые глаза смотрели на него с жадным желанием, и чувствует то, к чему уже привык в последнее время, – глухую вялую тоску по всем тем вещам, которых уже никогда не вернуть.

– Забудь все, что, по-твоему, тебе известно, – Джек все больше раздухаряется, а это не сулит ничего хорошего. – Это далеко не те девушки, с которыми мы с тобой учились в колледже. Это эволюционировавший вид. Они любят секс. Они его любят и хотят его, они считают, что имеют неотъемлемое право им заниматься. Эти девушки – настоящие феминистки, благослови их Господь.

– Кончай уже разглагольствовать! – подает голос Оливер. – Я тут вообще-то пытаюсь расслабиться.

– Да брось, Оливер, ты ж знаешь, что любую из них бы оприходовал. Бутылка вина, пара таблеток виагры, и дело в шляпе.

Оливер поднимает козырек и щурится на Джека.

– Да хоть одна из них захочет меня оприходовать?

– Ты о чем вообще? Ты привлекательный мужчина.

– Я старый и жирный. И выживаю, потому что знаю свое место в джунглях.

– И какое же оно?

– Старый богатый крот, который платит за то, чтобы ему отсосали, – отвечает Оливер, возвращая козырек на место.

Пожалуй, думает Сильвер, сейчас в нем действительно

есть что-то от крота.

Девушки вытягиваются и поворачиваются на своих лежаках, со знанием дела расстегивая лифчики, чтобы не осталось белых полосок. Они покачивают ногами, натираются лосьоном, облизывают губы, теребят длинные волосы. Джек приподнимает темные очки, прищуривается и смеется, дивясь этому чуду.

– Силы небесные! – произносит он.

Оливер пукает, звук долгий и высокий, словно из воздушного шарика выпускают воздух.

– Господи, Оливер, прими слабительное, – говорит Джек. Вот такие у него нынче друзья.

Они все так же сидят там и два часа спустя, когда появляется Кейси. Солнце висит высоко, запах масла для загара, шкворчащего на коже студенток, плывет над бассейном, щекоча им ноздри. Если правильно расположиться, то громахание тягачей с автострады вполне сходит за удары приборя. Сильвер, как часто в эти дни, покачивается в дымке воспоминаний, фантазий и сожалений.

– Сильвер...

А в лучшие дни, пожалуй, еще и едва уловимых проблесков надежды.

– Сильвер!

Кейси идет прямо к нему, в шортах и легком топе, завязанном вокруг шеи, ее крашенные в миндальный цвет во-

лосы спадают на спину, их треплет легкий августовский ветерок. Когда она приближается, Сильвер замечает, что на ее лицо подковкой легла россыпь веснушек. Джек кричит, усердно изображая, что не пялится на дочь своего друга.

– Привет, – говорит Кейси с тем усталым безразличием, которое она приберегает исключительно для него.

Как и всегда, в первое мгновение, когда он ее видит, сердце замирает, как случается в секунды после сильного удара или, как он предполагает, когда начинаешь тонуть. Любовь или паника. Он никогда толком не мог отличить одно от другого.

– Привет, Кейси. – Он садится прямо, вдруг остро ощущая свое вывалившееся брюшко, отросшие щетину и шевелюру. – Что ты тут делаешь?

Она улыбается так, будто вопрос – затравка для их междусобойной шутки.

– И вправду – что?

Никого не удивит, что он ни для кого никогда не был примером образцового отца. За семь лет, прошедших с развода, он пропустил, умышленно или по расхлябанности, больше дней рождений, школьных концертов и университетских спортивных состязаний, чем хватает духу вспомнить. Его отношения с Кейси постепенно перешли от веселых и легких к натянутым и холодным, и когда начался подростковый период, от ее прежде неизменной снисходительности не осталось и следа. Он знает, что это его вина, знает, что заслуживает

куда большего презрения, чем она способна выказать, и все же в том, что слышишь от своей дочки пренебрежительно брошенное "И правда – что?", есть что-то такое, отчего чувствуешь себя полностью и окончательно раздавленным.

Кейси оглядывает их троих, и он смотрит на них ее глазами: Джек, стареющий донжуан, выезжающий за счет своего дурацкого обаяния, потускневшего еще в конце девяностых, Оливер, грузный и угрюмый, он годится ей в дедушки и, потеряв в своей футболке размера XL, он вспоминает группу, переставшую быть крутой еще до ее появления на свет. Она окидывает быстрым взглядом студенток, затем с циничным блеском в глазах снова оборачивается на них, и вот они уже определены в категорию унылых, облезлых старперов, кои-ми, собственно, они и являются.

Непросто нормально подняться, когда сидишь в шезлонге да еще пытаешься одновременно втянуть живот. После нескольких неуклюжих телодвижений он принимает наконец вертикальное положение, но даже от этого нехитрого усилия багровеет и задыхается. В "Версале" вполне приличный тренажерный зал, и, учитывая уйму свободного времени, можно было бы предположить, что он до него все-таки дошел.

Он целует ее в щеку. Она не отшатывается, что до нелепого переполняет его радостью.

– Ничего себе! – обращается к ней Джек. – Сколько тебе нынче?

– Восемнадцать.

– Ого, я чувствую себя стариком.

– Нет, есть подозрение, это из-за вашего собственного возраста.

– Трах-тибедох! – восклицает Джек.

Так он иногда выражается. Они не знают почему.

Кейси закатывает глаза, напрочь отказывая Джеку в существовании, и смотрит на Сильвера.

– Мне нужно с тобой поговорить.

– Все нормально?

Пару секунд она как будто обдумывает вопрос.

– Все великолепно.

– Пойдем внутрь, – предлагает он.

– Конечно.

Пока она идет перед ним к отелю, Сильвер замечает цветное пятно, красный всполох на ее плече.

– Что это?

– Просто роза, – отвечает она ощетинаясь.

Татуировка и вправду вполне скромная – кроваво-красная роза с одним листком, выведенная на лопатке. Даже самые распоследние отцы могут раскричаться, увидев нечто подобное. Но он уже давно утратил все права на отцовское негодование, так что, может, у него есть шанс что-то на этом выиграть.

– Симпатично.

Кейси криво усмехается.

– Ты еще не видел той, что у меня на заднице.

– Господи боже!

– Соберись, Сильвер. У нас есть дела поважнее.

– Какие, например?

Она оборачивается, все еще ухмыляясь, но глаза широко раскрыты, и он видит, что она дрожит.

– Например, я беременна.

Бывают моменты, когда ты буквально ощущаешь, как земля бешено вращается под ногами, до такой степени, что инстинктивно необходимо за что-то схватиться. Он нежно берет Кейси за руку и смотрит ей в глаза. Они стоят, пока мир вокруг распадается на части, и оба ждут, что же он сейчас скажет.

Глава 5

– Ого.

Вот что он говорит. Она и сама толком не знает, что ожидала услышать. Дрю Сильвер не то чтобы был знаменит умением сказать нужные слова в трудную минуту. Да и вообще никогда. Но в его защиту стоит отметить, что он хотя бы не говорит: "Ты уверена?", "Кто это сделал?" и "Я был о тебе лучшего мнения".

Он не злится, не орет и не отводит глаза. Если и есть какие-то плюсы в том, что у тебя такой хреновый отец, так это, что он давно не вправе судить. Сильвер смотрит ей прямо в глаза и берет за руку, что в любой другой ситуации ее бы взбесило, но вот сейчас, когда она впервые произнесла вслух эти слова, она вроде даже совсем не против, чтобы ее подержали за руку. И когда Сильвер касается ее, она чувствует, как какой-то тугий узел внутри нее шевельнулся и ослаб.

– Ого, – повторяет он.

Он не кричит, у него не отваливается челюсть, ничего похожего. Это "ого" всего лишь, чтобы заполнить паузу, пока он осознает этот печальный факт – как человек, который добрую часть жизни провел, осознавая печальные факты, и теперь ей понятно, что именно поэтому она и пришла к нему.

И хотя он паршивый отец, и она знает, что в следующие пять минут он почти наверняка ее разочарует, но вот сейчас

она могла бы расплакаться от любви к нему, хотя и ненавидит себя за это. Поэтому она не сдерживается. И плачет. Прямо перед этими несчастными мужчинами и полуобнаженными знойными цыпочками, разлегшимися у бассейна – и кто вообще пустил сюда этих девиц? Этот русский на входе ведет себя так, будто охраняет Белый дом, не иначе. Это лишь доказывает, как многого можно добиться, обладая хорошими сиськами.

А ее отец – он прижимает ее к себе, обнимает одной рукой, как будто не знает толком, как это делается, как будто боится, что может ее сломать, и как, черт возьми, ты умудрился столько прожить, не научившись обниматься? Она вообще-то терпеть не может, когда ее жалость к нему мешается со злостью, и от этого обычно ведет себя втрое гадко, но сейчас она закрывает глаза и утыкается в его шершавую, выдавшую виды футболку, чтобы успокоиться. Она вдыхает его знакомый запах, который про себя называет "Одеколон неудачника", кажется, это помесь лосьона после бритья и талька. И хотя она цепляется за него, как утопающий за соломинку, она уже чувствует, как подступает привычная злость – это как старая песня, столько раз слышанная, что она уже даже и не песня, а отработанная дорожка в мозгу, которую уже невозможно использовать.

Она чувствует, как внутри поднимается злость – на него, на себя, и она высвобождается из его неумелых объятий, наверное, чуть резче, чем хотела бы. В смущении он отступает

на шаг назад. Ей хорошо знакомо это выражение, этот удивленный, озадаченный взгляд – словно мир вертится слишком быстро и он за ним не поспевает. Примерно так же он смотрел на нее с тех самых пор, как она начала взрослеть: просто купить мороженого в нужный момент стало мало, и он сразу же растерялся. Она догадывается, что этот взгляд хорошо знаком ее матери, хотя они никогда об этом и не говорили. Как бы она ни презирала Сильвера, она больше не позволяет матери говорить о нем гадости, не потому что так предана ему, но потому, что мать до сих пор старается отыскать любую мелочь, указывающую на то, что брак распался не по ее вине, и Кейси просто не готова подбросить ей такой козырь. Хотя она более чем уверена, что мать права.

Наглядный пример: справившись со слезами, она поднимает глаза на Сильвера, этого человека, к которому она против всякого здравого смысла пришла в минуту нужды. И Сильвер теребит свои длинные волосы, задумчиво потирает щеку, а потом произносит: – Может, хочешь мороженого?

Если недостаточно того, что она была отличницей и оказалась единственной девочкой в классе, поступившей в университет из "Лиги плюща"¹, то вот еще кое-что: всего три недели назад Кейси была девственницей. У нее даже не было молодого человека.

---

¹ "Лига плюща" – ассоциация восьми частных университетов Северо-Востока США. Они традиционно входят в списки лучших учебных заведений мира.

Имелся один в начале года, по имени Джейк Пруденс, но он порвал с ней в марте по излишне сложному комплексу причин, которые вкратце сводились к одному – она не хотела заниматься с ним сексом. Они были вместе голые в его джипе и в его постели, когда уезжали родители, и он засовывал в нее пальцы, хотя она и намекала, что ей приятнее, когда поверху, а не внутрь. Потом он ложился у нее между ног, долго терся, и когда она начинала испытывать какое-то возбуждение, он издавал стон, и она ощущала липкую мокроту, разливавшуюся по животу. На этом все и заканчивалось.

– Ты кончила? – спрашивал он.

– Нет, – отвечала она, вытирая живот салфеткой, и запах его спермы напоминал ей о закрытых бассейнах, в которых она последние несколько лет проводила большую часть свободного времени, на тренировках по плаванию.

Обиженный взгляд Джейка говорил, как бы ему хотелось, чтобы она была настоящим человеком и хоть изредка имитировала оргазм. "Все бы получилось, если бы я вошел в тебя", – заявлял он.

Но она подозревала, что это доставило бы ей еще меньше удовольствия. В любом случае ей не хотелось терять девственность только ради того, чтобы это проверить.

Именно в эти вроде как интимные моменты Кейси обнаружила, что он ей нравится все меньше. Джейк был забавный и честный, была в нем какая-то милая мягкость. Но стоило им перейти к петтингу, все их отношения свелись к кампании за

дефлорацию, а она оказалась в роли упрямой недотроги, что было исключительно несправедливо, учитывая, что он пускался в разглагольствования на эту тему, когда она держала в руке его пульсирующий член.

В какой-то момент это превратилось в неозвученный ультиматум, и Кейси вышла из игры. Спустя две недели Джейк уже встречался с Люси Грейсон, в прошлом – моделью *J. C. Penney*², которая спала со столькими мальчиками из их класса, что стала уже чуть не символом обряда инициации.

Но каким-то образом, при том что решение на тему Джейка так и не было принято, Кейси все же умудрилась стать единственной в истории школы Вашингтона Ирвинга отличницей, которая делала доклад через двадцать минут после того, как пописала на палочку в женской раздевалке. На второй странице доклада до нее дошло, что она до сих пор сжимает в руке тест на беременность. И всякий раз, как она поглядывала в текст, они были там – две розовые полоски, окрашивавшие все, что она произносила, тайной иронией. "И когда мы выходим в большой мир, единственная определенность – это полная неопределенность... в конечном итоге мы превратимся в сумму наших решений и ошибок... мы уже видим, как эта столь ценная для нас жизнь угасает, и вновь пробудится лишь в воспоминаниях, которыми мы будем делиться с нашими детьми... бла-бла-бла... друзей завели, уроки выучили, опытом поделились..." и так далее, до

---

² *J. C. Penney* — сеть универмагов среднего звена.

тошноты.

И все это время палочка, знак неотвратимого, зажатая в потной руке, постукивала по пюпитру, откуда она переворачивала страницы, и нечто внутри нее, смесь похоти, апатии и биологии, даже сейчас продолжало, наверное, делиться и множиться в ее чреве как в последний раз. Она представляла, как обрывает заготовленную речь, поднимает руку с тестом и выдает какое-нибудь проникновенное признание, которое завоюет ей уважение и сочувствие всех присутствующих. *Это вам-то страшно?*

А это дерьмо вы видели? Она закончит, и Джастин Росс поднимется на сцену с гитарой и споет "Скатертью дорога", и все в зале прольют слезу, а сама она станет чем-то вроде местной легенды.

Когда она договорила, аудитория разразилась стандартными механическими аплодисментами, и она увидела улыбающихся ей мать и Рича. А в самом конце зала, вопреки всему – Сильвера, в джинсах и черной рубашке, который стоял, привалившись к стене, и хлопал. Так что, когда у нее навернулись слезы, пока она пробиралась к своему месту, Кейси не до конца понимала, отчего именно плачет. Есть из чего выбрать, верно?

Глава 6

- Как мама восприняла это?
- С ней все нормально.
- Серьезно?
- Вообще-то я ей еще не сказала.
- А! Умно...
- Я только тебе сказала.
- Окей.
- И что ты испытываешь?
- Говоришь, как мой психотерапевт.
- Ты все еще ходишь к психотерапевту?
- Не-а. Сто лет назад бросил.
- Умственное здоровье не всем по плечу.
- Как и контрацепция.
- Отличный пас, Сильвер.
- Ты что-то решила?
- Я решила, что я идиотка.
- Какой у тебя срок?
- Небольшой. Откуда надо считать?
- Не знаю. С зачатия, видимо.
- Значит, три недели, что-то около того.
- Окей. Тогда еще есть немного времени.
- И что мне, по-твоему, делать?
- Думаю, надо делать аборт.

– Ух ты, пап. Ты недолго думал, да?

– Ты спросила, что я думаю...

– Я имею в виду, давай, не таи, говори, что думаешь, пап.

– Я так и сделал.

– То есть никаких мыслей на тему новой жизни, которая растет во мне?

– Ты это так видишь? В смысле, именно жизнь?

– Да... Нет... Иногда. Не знаю... А ты как видишь?

– Как вижу я, значения не имеет. Ты должна делать то, что тебе самой кажется правильным.

– Мне кажется правильным не быть беременной.

– Не плачь, милая.

– Не говори мне: не плачь. Ненавижу это.

– Прости.

– Не, ну правда, господи, пап! Это ж идеальный повод, чтобы поплакать. Я, черт подери, беременна.

– Ты права. Прости.

– Спасибо. Можешь сказать одну вещь?

– Конечно.

– Тебе жаль, что я не девственница?

– Мне жаль, что тебе уже не семь лет. Мне жаль, что я только моргнул, а ты уже женщина, и я пропустил столько всего, чего не вернуть. Мне жаль, что я был никчемным отцом. Ты заслуживала куда лучшего. А что до твоей девственности... Пожалуй, для меня как-то само собой подразумевалось, что ты уже занимаешься этим. Так что – нет, мне не

жаль.

– Окей.

– Ты опять плачешь?

– Немножко.

– Тебе не нужно ничего решать прямо сейчас.

– Я не хочу решать. Я хочу, чтобы кто-нибудь решил все за меня.

– А что, э-э, говорит отец?

– Нет отца, потому что нет ребенка. Есть скопление клеток, которые, если ничего не предпринять, могут в него превратиться.

– Окей. Значит, ему сообщать ты не считаешь нужным.

– Смотри-ка, у тебя пробудилось чувство солидарности с отцом.

– Ты только что сказала, что отца нету.

– Нету. Это непорочное скопление.

– Я ни с кем не солидаризируюсь. Просто пытаюсь разобраться, что к чему.

– Тогда старайся получше. Эй! Ты куда?

– Пойду куплю еще мороженого. Тебе взять?

– Два рожка за один присест? Seriously? Что у тебя с уровнем холестерина?

– Сегодня же особый случай?

– Да. Я пойду.

– Я что-то не так сказал?

– Ну, в твое оправдание замечу, что сейчас нельзя сказать

что-то так.

– Ты позволишь тебе помочь?

– Возможно. Может, ты даже уже помог. Не знаю. Мне нужно побыть наедине с собой и все хорошенько обдумать.

– Если надумаешь про аборт, я тебя отвезу, ладно?

– Опять вот ты про аборт.

– Я просто к тому, что если не захочешь втягивать в это маму и Рича.

– О да, ты ж страшно обломаешься, если вдруг меня Рич отвезет.

– Жалею, что предложил.

– Не надо. Я б тебя навсегда списала со счетов, если бы ты не предложил.

– Так чего ты тогда из меня душу вынимаешь?

– Потому что ты это заслуживаешь, папа. Потому что ты фиговый отец и это ничего не изменит.

– Значит, я все-таки должен тебя вытянуть?

– Я говорила гипотетически. В случае, если.

– Понял. Могу я тебя хоть до дома подбросить?

– У тебя нет машины.

– Я возьму у Джека.

– Ничего, я в порядке. У меня есть своя.

– С каких это пор?

– Мама с Ричем подарили мне G35 на выпускной.

– Очень мило с их стороны.

– Мама все еще старается компенсировать твое отсут-

ствие. Я этим слегка пользуюсь.

– Я бы тоже не преминул. Можно у тебя кое-что спросить?

– Конечно.

– Почему ты пришла ко мне?

– Честно?

– Да.

– Тебя подвести мне не так страшно.

Глава 7

Она уходит, а он так и сидит, выпотрошенный словно рыба. Кейси всегда была такой, умела полоснуть так быстро, что только после ее ухода рана проливалась кровью. Они сидели в маленькой кофейне, она же магазинчик со всякой всячиной, втиснутый в полукруглый альков в углу холла. Держит его Перл, пышногрудая венгерская вдова за пятьдесят, которая наносит макияж малярной кистью, а каждое ее движение сопровождается шорох трущихся друг о дружку нейлоновых чулок и рождественский перезвон тысячи золотых браслетов.

– Твоя дочка? – спрашивает она со своим почти комичным акцентом, расставляя за прилавком арсенал лекарств от головной боли. Аспирин пользуется большой популярностью в "Версале".

– Да.

– Красивая девочка. Хорошие ноги. С такими ногами беды не оберется. Мой-то Рафи больше по части сисек был, – она замолкает, намекая на свое внушительное декольте, укрепленное невидимой сетью лямок, которые уже наверняка давно и навечно оставили глубокие отметины на ее спине. – Но мода меняется. Теперь на коне тощие девчонки с ногами. Советую смотреть в оба. Парень видит такие ноги, и все, о чем он думает, – это как их раздвинуть, верно?

– Буду смотреть в оба.

Она пожимает плечами.

– Все одно бесполезно. Дети все равно сделают по-своему, верно?

– Верно.

По какой-то непонятной странности, происхождение которой они так и не смогли установить, вместо того чтобы звать его "папа", Кейси называла его "мой папа", как только научилась говорить. Он помнит как сейчас: вот она бодро вышагивает в одних подгузниках по их с Дениз кровати, ее маленький круглый животик выкатился, и она повторяет "мой папа" снова и снова, и высокий радостный голосок срыгается в хохот, когда он хватает ее за щиколотки.

– Эй, Сильвер, ты как? – окликает его Перл.

Даже наскреби он достаточно кислорода, чтобы выдавить хоть слово, он бы понятия не имел, что на это ответить.

Он потерял столько всего: жену, дом, гордость, достоинство и, что более известно, – свою работу ударника и одного из авторов песен в группе "Поникшие маргаритки". Они с Пэт, Рэем и Дэнни начали играть вместе после старшего класса; панк, пост-панк, затем что-то более звучное, уже чуть ли не поп. Они исколесили рок-клубы по всему Восточному побережью, сводя демо-записи везде, где можно было наскрести денег на студию.

Сильвер даже не вспомнил бы, когда он не играл на удар-

ных. Мать говорила, что чувствовала, как он выстукивает ритм еще у нее в утробе. В четыре года он соорудил себе ударную установку из ведер и коробок, примостив ее рядом с отцовской стереосистемой, и барабанил шампуром, аккомпанируя битлам и *Crosby, Stills & Nash*. В шесть лет ему подарили настоящую установку и отправили на занятия, полагая, что через пару лет он переключится на что-то еще. Но, как выяснилось, барабаны были единственным, чему Сильвер остался верен на всю жизнь. Когда он садился за установку, все не знающие покоя части его существа – трясущиеся ноги, колотящееся сердце и путающиеся мысли – все начало жить в едином ритме. Это было что-то помимо сознания, но Сильвер обретал покой, только играя на барабанах.

После рождения Кейси его песни заметно изменились. Баллады стали мощнее, более страстными. Он уже иначе смотрел на мир. "Поникшие маргаритки" повзрослели, и рыскающие повсюду охотники за новыми талантами, с которыми они встречались многие-многие годы, наконец-то обратили на них внимание. Примерно спустя год они подписали скромный контракт с крупным рекорд-лейблом. Их первый сингл "Покойся в распадае" попал на гребень одной из тех прекрасных в своей случайности волн, возносящих группы на вершину чарта, и, как оно и бывает в этих историях, на несколько недель они стали международными рок-звездами. Достаточный срок, чтобы почувствовать вкус и запомнить его навеки.

Затем Пэта Макгриди сразил безнадежный вирус "болезни фронтмена" – он решил, что выиграет, занявшись сольной карьерой. Троица оставшихся "маргариток", Дэнни Баптист, Рэй Доббс и Сильвер, встречалась пропустить стаканчик и обсудить дальнейшие планы, но они без труда читали правду в глазах друг друга. Единственное, что может быть трагичнее, чем не увидеть, как сбывается твоя мечта, – это увидеть, как она сбывается на кратчайшее мгновение. Рэй подался на Юг, устроился на работу к своему зятю, и больше они о нем не слышали. Сильвер время от времени пересекался с Дэнни на концертах – иногда они играли на свадьбах в одном оркестре, – тогда они обменивались унылыми усмешками, вялыми объятиями и порой, если группа входила в раж, запускали друг другу старые добрые риффы, которые больше никому не были слышны.

Все это было бы легче снести, как он подозревал, провались и погори Пэт со своими проектами, как они все того ожидали (и надеялись). Но прошли годы, а Пэт по-прежнему на волне, живет в Лос-Анджелесе, получает "Грэмми", спит с кинозвездами, а Сильвер получает только утешительный чек на все уменьшающуюся сумму, которая причитается ему ежемесячно за "Покойся в распаде"; как ни печально, но песня остается его главным источником дохода, несмотря на выступления и профессиональную мастурбацию. На публике Дэн и Сильвер желают Пэту всяческих успехов. Но между собой на концертах, когда открытый доступ к бару развязывает

вает им языки, они не скрывают своих чаяний, что в этот самый момент Пэт вынюхивает смертельную дорожку с задницы очередной модели или засовывает дуло дробовика в свой пухлогубый фронтменский рот. Если бы Пэт таки покончил с собой, они бы вполне сподобились на пару великодушных слов на камеру.

Сегодня он играет на свадьбе вместе с "Оркестром Скотта Ки". Сильвер шлепается за установку почти на автопилоте, игнорируя одного-двух чудиков, фанатеющих от ударных, которые вечно стоят в стороне и плятятся. Иногда на подобных мероприятиях кто-то его узнавал, и собиралась толпа побольше, но постепенно все понимали, что наблюдать за едва известным барабанщиком или за обычным барабанщиком – разница невелика, и возвращались к своим салатам из рукколы и филе-миньонам.

В сегодняшнем оркестре семь музыкантов и двое на бэк-вокале. Занимаешься этим уже давно, это все и не музыка уже, просто обученных мартышек отправили по проторенной дорожке. Скотт у микрофона чересчур живенько и бодро выводит *"The Way You Look Tonight"*³, выкидывая строчки и растягивая какие-то гласные для пушшего эффекта. Остается только порадоваться, что Синатры уже нет в живых и он этого не слышит. Баптист улыбается Сильверу и закатывает глаза. Сильвер кивает в ответ и выдает неожиданный пас-

---

³ Песня из кинофильма "Время свинга" (1936) с участием Фреда Астера и Джинджер Роджерс.

саж, сбивая Скотта, который не попадает в такт. Скотт бросает свирепый взгляд на Сильвера, тот рассеянно улыбается, прикидываясь дурачком. Баптист смеется. Все мы лузеры, думает Сильвер, каждый по-своему.

Бывает, после концерта случается пересып. Если он не слишком вспотел, если на нем свободно сидящий смокинг, скрывающий живот, если они удачно отыграли сет, и все на подъеме, а в перерывах было довольно времени на бар, так, что все в группе чувствуют себя куда счастливее, чем подсказывают их жизненные обстоятельства – если все это сошлось воедино, то ведь имеются еще бэк-вокалистки, танцовщицы, официантки. И тогда все зависит от того, насколько перевесит всеобщее нежелание возвращаться домой.

Дана – одна из бэк-вокалисток. Сильверу приходится трижды смотаться туда-сюда, чтобы собрать барабаны и загрузить их в багажник машины Джека, и когда дело сделано, Дана все еще курит на парковке. Ей лет тридцать пять, и издавека она просто сногшибательна – стройная, с потрясающими ногами и роскошной гривой каштановых волос. Только вблизи замечаешь, какой у нее усталый взгляд, да и черты лица за годы жизни, не оправдавшей ожиданий, стали резче и жестче. Непреложная правда в том, что никто не мечтает о карьере бэк-вокалистки.

В машине она сбрасывает туфли. Шесть часов она стояла и пританцовывала на 15-сантиметровых шпильках. Он мол-

ча везет их в "Версаль", она ставит ноги на приборную доску, чуть приоткрывает окно, и ее волосы бешено развеваются на ветру. Он угадывает в ее профиле бывшую чирлидершу, королеву выпускного бала. Было время, когда мир лежал у ее ног – куча друзей, главный нападающий и все в таком духе. А теперь она едет с толстым придурком из оркестра, просто чтобы почувствовать себя живой или на худой конец менее одинокой. Хотя, возможно, она смотрит на это иначе, потому что тогда она должна была бы дожидаться, когда машина наберет скорость, распахнуть дверцу и броситься в оглушительный рев хайвея.

В квартире Сильвер незаметно приободряется. У него довольно давно не было секса, и залучить кого-то домой – уже полдела. Он наскоро принимает душ, разве что члену уделяется чуть больше внимания. Он перебарщивает с дезодорантом и пытается придать хоть какую-то форму своей неукротимой шевелюре. Когда он выходит, в трусах и футболке, она лежит на кровати, все еще в своем коротком черном платье, и бесцельно переключает каналы. Медленно попивает виски, который налила себе, рассеянно всасывает одинокий кубик льда и снова выплевывает его в стакан. В голубых отсветах телевизора она опять очень хороша собой, и он ощущает прилив нежности, которому совсем не место в этом сугубо утилитарном процессе. Хотя они знакомы уже порядочно, он ничего о ней не знает. Он все придумал насчет чирлидерства. Все, что он знает, – что у нее сколиоз, она носит

специальный корсет и что она заикается.

Когда он ложится рядом, она перекатывается поближе, то ли сама, то ли потому что матрас прогнулся под его тяжестью, и кладет руку ему на плечо. Ее волосы щекочут ему подбородок. Он закрывает глаза, вдыхая аромат ее шампуня, коротко, но сильно влюбляясь, хотя ему отлично известно, что завтра, при свете дня, ему будет трудно встретиться с ней глазами.

– Ты приятно пахнешь, – говорит она, ее перетруженный пением голос чуть громче шепота. – Как осень.

– "Ирландская весна".

Он наблюдает, как ее грудь вздымается и опускается в такт дыханию, мягкая округлость у выреза наливаются, и он ощущает, как внизу все начинает потихоньку шевелиться. Потом она поворачивается и смотрит на него, и от одиночества в ее глазах он готов заплакать.

– Ничего, если мы просто полежим вместе? – спрашивает она.

Не очень-то. Нет.

– Конечно.

В телевизоре тихо крадутся подростки-вампиры. На улице сигналит грузовик. Он смотрит, как она поводит пальчиками на ногах, и чувствует то, что точнее всего называется тоской по дому. Но будь он проклят, если понимает, что именно и где находится то, по чему он скучает. Наутро, когда небо еще розовое от неизбежности рассвета, он отвезет ее

обратно к ресторану, где ее маленькая машинка притулилась на огромной пустой стоянке, будто утерянная вещь в ожидании, когда же за ней придут. От этого зрелища им обоим станет необъяснимо грустно.

Глава 8

– Ты когда последний раз разгребал холодильник? – спрашивает его мать Элейн, брезгливо держа консервную банку с пластиковой крышкой, в которой виднеется нечто, напоминающее замороженные мозги.

– Не помню. Может, на той неделе?

– Вряд ли, – бросает она, вытряхивая содержимое в по-мойное ведро.

Когда порядок в холодильнике ее полностью устраивает, она наполняет его овощами и фруктами, которые будут портиться до ее следующего приезда.

– Мам, да оставь ты это.

– Мне не в тягость.

Элейн снова ныряет в холодильник, и они с отцом могут перекинуться парой слов.

– Как у тебя с концертами? Часто зовут? – спрашивает отец.

– Ага.

– Это хорошо.

– Как дела в синагоге?

– У небесного бизнеса всегда недурные перспективы.

– Будь оно не так, возникли бы весьма любопытные вопросы теологического свойства.

– Неужели?

Когда-нибудь он умрет, а Сильвер сможет все так же вести с ним подобные разговоры, слово в слово, по памяти.

Его отец, Рубен Сильвер, – раввин синагоги Бней Израэль. Мальчишками они с младшим братом Чаком вместе с отцом сидели на сцене во время субботних служб, лицом к молящимся. Сильвер представлял, будто его отец – их король, а они с Чаком – принцы. Рубен пел вместе с кантором – у него был резкий, но мелодичный голос – и он обнимал своих мальчиков, показывая на какие-то слова в сиддуре, которые они должны были читать для него вслух на иврите. В какой-то момент (когда – уже не вспомнить) Сильвер стремительно повзрослел, обрел собственное мнение по разным поводам и перестал сидеть с ними. Они об этом никогда не говорили. Это просто была одна из тех вещей, которые ты незаметно перерастаешь и только потом осознаешь.

Отец насвистывает "*Penny Lane*".

– Свистишь, – автоматически произносит Элейн. Он замолкает.

Они женаты уже сорок семь лет.

Рубен знает много других песен, но если он насвистывает – это всегда "*Penny Lane*". Насколько помнится Сильверу, это началось, как только вышел альбом *The Magical Mystery Tour*. Стоило Рубену услышать эту песню, как первые такты навеки врезались ему в подкорку.

Они заезжают раз в две недели, по воскресеньям. Потому что он их сын и они любят его, и потому что считают, что ему одиноко. Эти визиты убивают его. Потому что он тоже их любит и потому что понимает, как огорчает их его тихая печальная жизнь – быть может, даже сильнее, чем его самого, а значит, скорее всего, эти визиты убивают и их тоже. Так что раз в две недели они проводят вместе час-другой, после чего всем становится тяжело и пусто, но они неизменно приезжают, и если не это лучшее определение семьи, тогда он не знает, существует ли оно вообще.

– Так что же, – немного смущенно начинает отец, покуда Элейн совершает третью или четвертую ходку к мусорожигателю. Сильвер обычно кидает в морозилку остатки еды из китайского ресторанчика и благополучно забывает о них, пока те не заморозятся до стадии, неподвластной жару микроволновки. – Есть ли на горизонте женщина, о которой стоило бы написать старикам?

– Разве вы получали от меня письма? – спрашивает Сильвер.

Отец пожимает плечами, пропуская мимо его сарказм.

– Тебе бы хорошо сходить в синагогу.

– Папа.

Рубен поднимает руки, как бы защищаясь.

– Я ничего не навязываю. Просто говорю: полным-полно одиноких женщин.

– Ты что, устраиваешь из синагоги сводническую конто-

ру?

– Лучшей и не придумаешь. Ты что, всерьез полагаешь, что эти люди приходят помолиться? Я молюсь. Кантор молится. А они тусуются. Добро пожаловать в организованную религию.

– А как насчет Бога?

– Бог не меньше меня хочет, чтобы ты не был один.

– Я стараюсь, пап.

Рубен кивает.

– Даже представить страшно, что будет, если ты перестанешь.

В ответ у Сильвера почти срывается с языка нечто ненужно колкое и резкое, так что он с облегчением встречает мать, чье возвращение обрывает этот разговор. Она внимательно смотрит на них – на Сильвера, развалившегося на диване, на его отца, сидящего на краешке стола – и сразу видит, что помешала чему-то.

– Вы о чем тут толкуете, мальчики?

– О женщинах, – отвечает Рубен.

Элейн понимающе кивает.

– Есть кто-то, о ком стоит написать старикам?

После него родители заскочат к Чаку на барбекю. Там, среди ароматов домашнего маринада, среди орущих мальчишек и писающих малышей и собак, жизнь возьмет свое, и они снова обретут гармонию.

После них Сильвер отправится в "Ленивую Сьюзан" и напьется до потери пульса, а потом вырубится перед умиротворяюще мерцающим телевизором. Хорошо, если он успеет скинуть ботинки. Нет ничего тоскливее, чем проснуться наутро в ботинках.

Глава 9

Локвуды были соседями Кейси и Дениз лет десять. Дениз и Валери два раза в неделю играли в теннис, и вот однажды нарисовался Ричард. Они со Стивом Локвудом иногда посиживали вечерами на заднем дворе, попивая скотч. Кейси, записавшаяся в команду по плаванию, имела карт-бланш нарезать дорожки в бассейне Локвудов, когда ей заблагорассудится, и именно этим она и занималась в означенный вечер. Она нервничала из-за Принстона, а вечерние заплывы всегда действовали на нее успокаивающе.

Сделав примерно пятнадцать концов туда-обратно, она вдруг почувствовала, что уже не одна. Подняв голову, она узрела Джереми Локвуда, который сидел в шезлонге и, глядя на нее, отхлебывал из серебряной фляжки.

– Эй, – сказал он, маша фляжкой, когда она остановилась, – продолжай, не обращай на меня внимания.

Он был на два года старше и только что вернулся из Эмери поработать летом в фирме отца.

– Я слышала, что ты вернулся, – ответила она, вылезая из бассейна. При ком-то другом она бы смущалась своего бикини, но Джереми она знала так давно, что во втором классе они уже демонстрировали друг другу свои интимные места в подвале его дома. Так что обычные правила тут не работали.

Кейси подхватила полотенце и уселась у его ног. Он на-

клонился поцеловать ее в щеку – эту манеру приветствия он приобрел в колледже, и она все еще с ней не свыклась.

– Ничего себе! – сказал он одобрительно.

– Что?

– Ты стала секси.

– Заткнись.

– Слыхал, ты поступила в Принстон.

– Слыхала, ты поменял специальность.

– Слыхал, ты – первая ученица.

– Слыхала, ты расстался с Хейли.

– Хедли.

– Ну, теперь это вроде как неважно, нет?

Джереми улыбнулся и снова отпил из фляжки.

– С нашими мамочками и "Фейсбук" не нужен.

– Знаю.

Он протянул ей фляжку, и она отпила немного. Он позаимствовал какой-то отцовский скотч. Отменная вещь, говорил Стив, но для Кейси это была просто кислота, обжигшая ей горло, но согревшая живот. Она вернула фляжку, и Джереми сделал еще здоровенный глоток.

– Вообще-то это она со мной рассталась.

Она посмотрела на него, пытаясь определить, начал ли он разговор или просто констатировал факт. За все годы дружбы между семьями они с Джереми ни разу не поговорили серьезно. Они ходили скорее на кузенов, чем на друзей.

– Мне жаль, – сказала она.

Он пожал плечами.

– Да ничего. Это был просто секс, и не такой уж хороший, если на то пошло.

Его небрежный тон в разговоре о сексе завел ее. Легкий хмель, разговоры о сексе, поцелуй в щеку – она ощущала, в какие стороны вот-вот распахнется ее мир. Когда он передал ей фляжку, она сделала два глотка.

– Полегче там, Тигр, – сказал он, усмехнувшись.

И неожиданно, и по непонятным причинам это была очень волнующая усмешка.

Джереми всегда был красив стандартной невыразительной красотой. Высокий, стройный, с темными густыми волосами. Скорее хорош собой, чем сексапильен, считала Кейси. Но теперь в нем появилось нечто цепляющее, что-то слегка порочное и темное, и она вдруг поймала себя на мысли, что будь они незнакомы, она бы обратила на него внимание. Пар поднимался от воды и клубился в свете огней бассейна, и полная луна висела низко, и Джереми, кажется, смотрел на нее по-особенному, и от виски ее разморило, искры побежали по телу, и она вдруг почувствовала, что взбодрилась.

Джереми рассказал ей о своем расставании, и Кейси рассказала о своем, а потом он показал ей страницу Хедли на "Фейсбуке". Не то чтобы она была хорошенькой, эта Хедли, но сразу было понятно, почему мальчишкам она нравилась. Хедли поменяла свой статус на "счастлива одна" и постила фотографии с вечеринок в компании слащавых парней в ду-

хе героев "Пляжа"⁴. Они сочли это "счастлива" неуместным, посему отправились на страницу Джереми и переправили его статус на "наконец-то свободен". Идея добавить фотку, где они ласкаются с Джереми, принадлежала Кейси. Хедли еще дружит с ним на "Фейсбуке", но понятия не имеет, что Кейси всего лишь соседка. Так что они принялись валять дурака, снимая все на его телефон, и в какой-то момент Джереми оказался без рубашки, и его кожа была такой же горячей, как виски в ее желудке, и вот они уже обнимались и целовались жадно, неистово, как в последний раз. И в какой-то момент, когда передышки ради они разлепили губы, хватая ртом воздух и теревшись друг о дружку, он сказал, что его родители уехали на выходные.

И луна, и знойное лето, и мальчишка, которого она знала всю жизнь, – все казалось ей в самый раз. И когда пришел момент принять решение и он чуть отстранился спросить: "Ты уверена?", она решительно скользнула рукой к его паху.

Потом они купались нагишом и трахались там и здесь, а лунное сияние омывало их мягким серебром, и она подумала, что не нашла бы лучшего способа потерять девственность.

---

⁴ "Пляж" – американское реалити-шоу о каникулах четырех молодых людей и их подруг, шедшее на канале *MTU* с 2009 по 2012 год.

Глава 10

Грустный Тодд в холле пытался утихомирить своих близнецов. Это двое пятилетних террористов с огненно-рыжими вихрами и пластиковыми светящимися мечами, которыми они бешено размахивают во все стороны, прыгая по кожаным диванам. Все выходные они накачивались сладкой дрянью, которая настрого запрещена у мамы, всеми этими подсахаренными хлопьями и шариками, мороженым и газировкой, конфетами, которыми набивает шкаф Тодд, чтобы завоевать их любовь. И вот теперь они нарезают круги вокруг своего злосчастного папаши, демонстрируя удары в прыжке с дивана, скачут вверх-вниз по двум ступенькам, делящим холл на два уровня, налетают на прохожих и опрокидывают кадки с фикусами, сиротливо стоящие в каждом свободном углу. Они оголтело носятся по залу, словно мухи-джедаи, замирая на считанные секунды – тогда удастся разглядеть их растрепанную шевелюру и белые пятна на лицах, которые Тодд постарается выдать бывшей супруге за следы от молока, но совершенно очевидно, что это сахарная пудра с пончиков, коробку которых они умяли на обед.

Его прозвали Грустным Тоддом, потому что он живет в "Версале" уже больше двух лет и никто никогда не видел его улыбки. Он до сих пор не купил ничего из мебели и не повесил ни картинку в своей квартире, ни разу не сходил на сви-

дание и не завел ни одного друга. Он страдает от того, что Джек назвал "синдромом Сиротки Энни". Он по-прежнему верит, что однажды его семья придет и заберет его, так что нет смысла всерьез обустроиваться.

На дворе воскресный вечер, и Грустный Тодд выглядит абсолютно вымотанным. Он небрит, нечесан и почти на грани самоубийства. Вероятно, он привел близнецов в лобби сильно раньше назначенного часа, потому что они уже разнесли его квартиру, и он не знал, что еще придумать.

– Этот день может стать последним для Грустного Тодда. – В голосе Джека слышна та самая неповторимая смесь сочувствия и презрения, которые они тут все испытывают друг к другу.

– Кто-то должен бы приучить этого парня к кокаину, – говорит Оливер, грустно кивая.

На дворе воскресный вечер, и они направляются поужинать и хорошенько злоупотребить выпивкой в "Блице", зачуханном спорт-баре на автостраде 9, знаменитом непомерными бургерами и до нелепого привлекательными официантками. Воскресные вечера особенно депрессивны: они означают, что либо вам не отдали детей на выходные и вы одиночки и потеряны, либо вам отдали детей, но теперь они уехали, и вы опустошены и на что не годитесь. В любом случае тут полезно выпить и попялиться на девиц, а поскольку дело происходит в Америке, все это вполне доступно. Джек как всегда вырядился в пух и прах, нацепил черный пиджак и

классическую сорочку. На Оливере невозможные треники и бейсбольная кепка. Сильверу – он в джинсах и темной рубашке-поло – хотелось бы быть где-то посередине, но рядом с Джеком он сразу отъезжает на задний план.

Джек с Оливером садятся на краешек фонтана выкурить по сигаре. Дело это куда сложнее, чем кажется. Сначала Оливер достает из кармана рубашки две сигары в жестяных трубочках и с хрустом надламывает печати. Затем Джек вытаскивает маленькую гильотину и под пристальным надзором Оливера изучает сигары, чтобы правильно их обрезать. Все это время Оливер трещит про то, где он раздобыл конкретно эти сигары, и про их превосходство над кое-какими другими марками сигар, и в конце концов про их место в сигарном мире вообще. Это неизменно наводит Джека на одну из его историй "Лучшие-Сигары-Которые-Мне-Довелось-Выкурить-В-Жизни", дополненную именами, датами и местами, которые никому ни о чем не говорят, Оливер тем временем разжигает сигару голубым огоньком своей бутановой зажигалки с монограммой, а Сильвер рвет на себе волосы, сходя с ума от скуки.

Сигары сейчас в большой моде по обе стороны брачной границы. Женатые мужчины курят их, чтобы хоть отчасти почувствовать себя менее ущемленными в своей супружеской жизни, разведенные курят, чтобы оттянуть неминуемо наступающие в грустные воскресные вечера отчаяние и уныние. Ни та, ни другая группа никак не уgomонятся на эту

тему. Из-за полнейшего винегрета разного рода латентных фрейдистских комплексов мужчины среднего возраста готовы сделать фелляцию пучку скрученных листьев и при этом отчего-то ощущают себя в большей степени мужчинами, что, безусловно, можно счесть грандиозным триумфом маркетинга. Казалось бы, неважно – отсылающую к фаллическим символам или нет, – потребность вставлять себе нечто такое в рот не стоит слишком уж выпячивать, но нет.

Создаются великие романы и рушатся империи, покуда эти двое заканчивают-таки со своей сигарной эпопеей. Так что они все еще торчат у фонтана, когда бывшая жена Грустного Тодда припарковывает свой серебристый минивэн. Блеклая, скорее тень от женщины, тонкие губы, на лице – усталость человека, давно смирившегося с тем, что ему выпало быть самой компетентной личностью на планете Земля. Она внимательно осматривает близнецов, параллельно отчитывая Тодда.

– Ты погляди, на кого они похожи! Как ты мог выпустить их на улицу в таком виде? Что у них на лице – сахарная пудра? Ты что, кормил их пончиками? Тебе не приходило в голову хотя бы разок за эти три дня их помыть? Господи боже, Тодд, в собачьем приюте и то за ними бы лучше присмотрели!

Грустный Тодд молчит. Он стоит перед ней с опущенной головой, принимая ее нападки, как дерево – бурю. Кончив кричать, она встряхивает головой, потом наклоняется к

нему и поправляет замявшийся воротничок рубашки, а затем, к величайшему удивлению Сильвера, быстро чмокает его в щеку, залезает в минивэн и уезжает. Любовь, думает Сильвер. Близнецы машут отцу. Грустный Годд стоит посреди дорожки, рассеянно машет в ответ, пока машина не скрывается за углом, его лицо искажено такой болью, что Сильвер отводит взгляд.

Он любил девушку по имени Меган Донахью. У нее была тонюсенькая талия, кошачьи глаза, и она была ревностная вегетарианка. Они писали друг другу длинные любовные письма, цитируя строки песен малоизвестных рок-групп, и бросали их в личные школьные шкафы. Когда она приходила в белой пушистой водолазке, она выглядела, как рождественское утро. Мм было по семнадцать, оба в начальном классе старшей школы, оба девственники, и она стала первой девушкой, которой он признался в любви. Точнее, он сказал "Я тоже тебя люблю", но не суть. Они были обречены по вине эндокринной системы. Игнорировать его гормоны, на которые тогда приходилась основная нагрузка, было невозможно. Она хотела остаться девственницей так же сильно, как он мечтал об обратном. Или же он просто хотел съесть бургер, чтобы на него при этом не смотрели, как на убийцу.

Глава 11

На Лили серый свитшот с капюшоном, со следами надписи с названием ее альма-матер. Из серии свит-шотов, которые она наверняка носила, не снимая, в те первые годы после колледжа – быть может, он принадлежал прежнему бойфренду и какое-то время хранил его запах. Сильвер представляет, как она сидит в маленькой квартирке, слушает музыку, уносящую ее в прошлое, и колупает буквы надписи, пока они не отслаиваются и их не приходится сдирать с концами. Есть в этом некая метафора, думает Сильвер. Может, из этого даже получится песня. Но он уже сто лет не писал песен, и он хорошо знает, что его творческие порывы давно свелись к одним лишь порывам. Он сейчас и представить себе не может, как это – что-то написать.

Лили поет песни о птичках, и жучках, и дожде, и машинах, и Джоне Джейкобе Джинглхаймере Шмидте. Когда малышня, сидящая вокруг на полу, начинает подпевать, она закрывает глаза и улыбается, стуча по струнам всей ладонью. Когда она берет верхние ноты, они потрескивают у него в ухе, как статические разряды – он очень чувствителен к высоким регистрам. Такие концерты явно приносят копейки, прикидывает Сильвер, наблюдая, как всегда, с безопасного расстояния. Она это делает либо потому, что ей нравится работать с детьми, либо потому, что совсем на нуле, и хотя ему

импонируют оба варианта, он бы все же предпочел последний, поскольку с нянюшками у него не очень. Он бы не смог объяснить, что именно его в ней привлекает – может, ее живое лицо или то, как льется ее голос, чистый, тонкий, мелодично переливающийся; он слышит в нем мягкость, которая, как ему мнится, отражает ее характер.

Но все это гипотезы, ибо он абсолютно неспособен даже просто заговорить с ней. Он наблюдает, как она упаковывает гитару, забирает чек у одной из двух суператлетичных лесбиянок, хозяйек магазина, и направляется к двери. Она пройдет прямо мимо него, их глаза, как всегда, встретятся на пару секунд, и она тут же забудет о нем так же, как и он – о ней, как это может показаться со стороны.

Он всегда был немного застенчив, когда дело касалось знакомства с женщинами. Алкоголь помогает, но в книжных не имеют обыкновения наливать. Он смотрит, как она останавливается полистать журнал, и не может придумать ни словечка, ни единой подходящей реплики, которая бы не звучала как откровенный подкат. Подойти к незнакомой женщине значит раскрыть свои намерения еще прежде, чем что-то будет произнесено, и эта недвусмысленность всегда его парализовала.

Он так долго был один. Ему нечего терять, а получить можно все разом. Может, ей тоже одиноко. Он почти уверен, что так и есть, он слышит это в ее пении. Может, она совсем не против поговорить – возможность возможности. Может,

это перевернет их жизни. Риск секундного отказа – ничто по сравнению со всем этим. И все-таки – что-то. И наблюдая, как она выходит из магазина – дверь захлопывается, колокольчик звякает, – он решает, что это просто-напросто еще одна грань той глобальной неудовлетворенности, которая и определила бесчисленные неверные повороты, сложившиеся в его жизнь.

Глава 12

"Инфинити" Кейси белого цвета с темными сиденьями, в машине пахнет новой кожей. Драм-н-бейс из стерео звучит так же мягко и плавно, как катит автомобиль, и, как и положено, пульсирует у него под кожей. Настоящая красавица, эта дочкина машина, и Сильвер старается не думать о том, что куплена она была человеком, который ей не отец, но справляется с этой ролью куда лучше него самого.

Жизнь в одиночестве предоставляет кучу времени для размышлений. Не то что ты непременно приходишь к каким-то выводам, поскольку мудрость – это, главным образом, работа ума и самосознания, а не количество времени, которым располагаешь. Зато быстрее додумываешься до бездонных бездн отчаяния. Так что теперь, в машине с рокочущим японским двигателем, в котором лошадиных сил больше, чем нужно любой девочке ее возраста, мрачные мысли всплывают и проносятся у него в голове с рекордной скоростью.

Он думает о том, что жизни всех дорогих ему людей резко меняются к лучшему, стоит им уйти от него. Дениз нашла себе лучшего мужа, Кейси – лучшего отца, Пэт Макгриди – лучшую карьеру. Он оказался для них мостиком в лучшую жизнь. Нет, конечно, это в какой-то мере подразумевает, что он был бесполезен. Он – балласт, который сбрасывают с

самолета, чтобы набрать нужную высоту.

Он смотрит на Кейси, мурлыкающую в такт дурацкой песне на радио. Чертовы автонастройки. Она до сих пор кажется ему маленькой – слишком маленькой для того, чтобы пройти через все, через что пришлось из-за него и Дениз, слишком маленькой для этой машины за сорок тысяч долларов и слишком маленькой, чтобы ехать в клинику на аборт вместе со своим папашей только потому, что она очень любит свою мать и не хочет втягивать ее в такое мероприятие.

Клиника раннего прерывания беременности находится посреди парка, совсем рядом с трассой 95? в нескольких милях к северу от Элмсбрука. Вывеска – жизнерадостные "РПБ" выведены на розовом фоне в форме клевера – скромная и до странного жизнерадостная. Кейси паркуется, и они проходят через открытую стоянку, где ритуально собрались местные курильщики, жадно делающие первую и вторую затяжки.

– Тебе нравится моя машина?

– Само собой. Отличная машина.

– Чего? Спрашиваю: я машину заперла?

– А? Не помню.

Она смотрит на него с усмешкой.

– Ты в порядке, Сильвер?

Он бы предпочел, чтобы она называла его папой.

– Само собой.

Вряд ли он когда-нибудь говорил ей о звоне в ушах. Сейчас в них свиритит не хуже сирены, и ее голос доносится сквозь беспрестанное глухое потрескивание.

– Ты как будто не здесь.

– Все нормально. Просто проблемы с ухом.

Она пристально смотрит на него, потом припускает через стоянку, вытянув руку с ключами, пока не срабатывает замок. Он смотрит, как она бежит, и вдруг что-то щемит в груди, и внезапно он глухо всхлипывает. Случайное воспоминание: снежный вечер, и они с Дениз и Кейси возвращаются откуда-то, он не помнит откуда. Кейси бежит впереди, вверх по склону к дверям маленького домика, который они сгоряча купили за пару лет до этого, когда Дениз сообщила ему, что беременна. Кейси, ростом меньше метра, высоко, как солдат, скидывает колени, с нескрываемым восторгом маршируя по снегу. "Она красивая, правда?" – спрашивает Дениз. Он смотрит на нее, на ее волосы в сияющей короне таяющих снежинок, и в этот момент он влюблен в нее больше, чем когда-либо, в эту женщину, в эту маленькую девочку, в семью, которая у них получилась. Вокруг них – крошечные следы ботиночек Кейси, и, слушая, как она верещит от восторга, он думает: это самый прекрасный момент в моей жизни.

– Папа!

Она вернулась, на лице – нерешительная улыбка.

– Ты уверена, что поступаешь правильно? – говорит он не потому, что видит альтернативу, но потому что это вроде

та вещь, про которую ты, прокручивая все задним числом, должен знать, что все-таки ее произнес.

– У тебя есть идея лучше?

– Нет.

– У меня такой ранний срок, что они могут использовать метод вакуумного отсоса, а это, по сути, то же, что стимуляция месячных. Безболезненно и никакого восстановительного периода. Я ничего не почувствую.

– Окей.

– И это останется нашим маленьким секретом, да?

– Да.

Надо признать, ужасно приятно иметь с ней свой секрет.

– Спасибо.

– За что?

– За то, что не говорил, что я идиотка, раз занималась незащищенным сексом.

– Да это вроде и так понятно.

Она смеется. Никто из них так и не сделал ни полшага в направлении клиники.

– Ты много занималась сексом? – спрашивает он.

Вопрос ее удивляет, но отвечает она скорее охотно.

– Это был мой первый раз.

– Вот черт.

– Ага.

– И как это было?

Она отвечает очень не сразу.

– Вообще-то это было очень здорово, – говорит Кейси, и тут, впервые за много лет, прямо при нем она не сдерживается и плачет.

Бумаг заполнять немного, поскольку "РПБ" не принимают страховку. Впрочем, Кейси и так бы ей не воспользовалась, не желая объясняться на тему компенсаций, которые пришли бы по почте Дениз. Раннее прерывание обходится в 628 долларов. Ему думается, круглое число было бы столь же несообразным. Он принес наличные, разом ополовинив свой счет и сообщив всей операции душок нелегалщины. Расплатившись, он догоняет Кейси в комнатке ожидания с двумя кожаными диванами, кулером и двумя журнальными столиками с россыпью брошюр, которые все как одна излучают бодрость и жизнелюбие.

Кейси берет брошюру и принимается читать ему вслух: "Вся процедура занимает менее десяти минут. Боль в процессе операции терпима и длится всего несколько минут. Восстановительного периода не требуется. Женщины покидают кабинет и сразу возвращаются к своим ежедневным делам".

– Звучит потрясающе, – говорит он. – Почему все не пользуются этим способом?

– Срок должен быть между пятью и десятью неделями. После этого уже только хардкор.

Несколько минут они сидят, компанейски помалкивая.

Он откидывается на спинку и закрывает глаза, ощутив внезапный мощный прилив необъяснимой усталости.

– Можешь мне что-нибудь рассказать? – спрашивает Кейси.

– Что?

– Что угодно. Просто поговори со мной, пока не вызовут.

– Не знаю, что сказать.

– Тебе одиноко?

– Сейчас?

– Вообще.

– Не знаю. Иногда.

– У тебя есть девушка?

– Нет.

– А кто-то для секса?

– На днях я приводил домой женщину.

– Ну, колись, Сильвер. И как оно?

– Она хотела, чтобы ее просто обняли.

– Бедняга!

– Да пустяки, бог с ним. Секс сам по себе часто слишком переоценивают.

– Сказал он беременной дочери перед абортom.

Сильвер улыбается. Несмотря на все его усилия, она стала смышленной, остроумной, красивой и отлично воспитанной девочкой. Порой, когда они вместе, от мысли, что он потерял, перехватывает дыхание, поэтому ему было так тяжело быть рядом все эти годы после развода.

В комнате слишком тепло, даже под струей кондиционера, а звон в левом ухе уже перешел в треск. Он задерживает дыхание и прижимает ладони к ушам, испуская низкое гудение, чтобы перекрыть этот шум. Спустя пару секунд писк понемногу утихает, а потом, на удивление, и вовсе обрывается. В голове воцаряется благословенная тишина.

– Папа!

Она назвала его папой, отмечает он.

Он открывает глаза и видит, что Кейси стоит над ним и явно жутко перепугана.

– Что с тобой? – спрашивает она.

Он открывает рот сказать, что все отлично, просто он немного устал. Он чувствует, как слова образуются в его горле, но наружу ничего не выходит. Кейси на секунду исчезает и появляется вновь с женщиной средних лет, одетой в белый докторский халат.

– Мистер Сильвер? – окликает она. – Вы меня слышите?

– Разумеется, я вас слышу, – отвечает он и пытается подняться.

Но ничего не происходит. Он не чувствует своих ног, не в силах пошевелить губами, не может издать ни звука. На мгновение он закрывает глаза. Он никак не свыкнется с этим безмолвием в голове, ни малейшего жужжания. Такой тишины он не помнит многие годы. Он хочет обернуться в нее, как в одеяло и с облегчением выплакаться.

Когда он снова открывает глаза, он уже в больнице.

Глава 13

Если есть какой-то плюс в том, чтобы очнуться в больнице, так это что, пусть даже твой мозг мигает и трепыхается, как плохо ввинченная лампочка, довольно одного микрона ясного сознания, чтобы понять, где ты. Пикание кардиомонитора, запах средства для дезинфекции, чересчур накрахмаленное белье и жена, сидящая на стуле подле кровати.

Бывшая жена.

Точно.

Дениз посматривает в свой журнал почти так же, как раньше украдкой посматривала на него, подглядывая в его работу, словно механик, ищущий разрыв провода, слабый контакт, из-за которого сбоит вся система. Эта накрепко засевшая память о ее привычном презрении служит зацепкой для краткосрочной памяти, которая, оказывается, была с ним всю дорогу.

Дениз отрывается от журнала:

– Проснулся?

Она не выглядит такой уж встревоженной, что может быть хорошим знаком, либо ей попросту более-менее наплевать. Его смерть теперь не будет иметь для нее особых последствий. Да, вообще говоря, ни для кого не будет. При этой мысли он снова закрывает глаза и пытается вернуться в прежнее забытие без снов и видений. Он слышит пронзи-

тельный скрип дверных петель, затем шаги.

– Папа?

Он открывает глаза и видит Кейси, стоящую у кровати с бутылкой коки, из которой торчит жеваная соломинка.

Ты назвала меня папой.

– Ты можешь говорить?

Со мной все в порядке, Кейси.

Она встревоженно смотрит на Дениз.

– Почему он не говорит?

Дениз наклоняется к нему и громко произносит:

– Сильвер, ты можешь говорить? – будто он трехлетний мальчишка. С садовниками-мексиканцами она разговаривала точно так же.

Разумеется, я могу говорить. Вот, я же разговариваю.

Дениз выпрямляется и встает прямо напротив него:

– Моргни, если ты меня понимаешь.

Что за хрень, Дениз?

– Схожу за Ричем, – бросает Кейси, выскакивая из палаты.

– С тобой все нормально, – сообщает Дениз, но смотрит на него хорошо знакомым взглядом, ясно говорящим, что он, хотя это уже никого не удивляет, снова облажался.

Они познакомились на свадьбе его кузена Брюса. Она не была самой красивой подружкой невесты, этот титул бесспорно принадлежал Андреа Люмейн, чье сливового цвета платье обтягивало ее, как целлофановая пленка, а фотогра-

фы снимали ее на приеме не меньше, чем саму невесту. Не досталось Дениз и второго места. Этой чести удостоилась Ханна Рис, которая пробилась за счет одного лишь выдающегося декольте. Но за Дениз было крепкое третье место; возможно, она не очень выделялась, но в ее мягких чертах таилось неброское изящество, а улыбка была искренней и открытой. Она казалась способной посмеяться над собой, а именно этого он искал в женщинах, с которыми пытался встречаться, – меньше шансов, что им вздумается посмеяться над ним.

Так что он опрокинул пару рюмашек, чтобы убаюкать природную замкнутость, насколько мог, пригладил непокорную шевелюру, закинул в рот мятную конфетку и храбро опустился на пустой стул возле нее.

– По вам не скажешь, что вам тут весело, – сказал он.

Она уже который раз была подружкой невесты и по этому случаю пила больше, чем обычно, и больше, чем он когда-либо еще увидит. Она была слегка подшофе, веселая, и после первых десяти минут разговора он знал – как знает мужчина, если женщина дает ему это понять, – что если он будет слушать ее, согласно кивая, и пригласит на все медленные танцы, то потом, когда свадьба закончится, ему будет позволено стащить с нее это дурацкое платье. Все проходило в отеле "Хилтон", и она удобства ради сняла здесь на ночь номер, а это означало, что не будет поездки на такси, во время которой она могла бы протрезветь и передумать.

Так что они танцевали, и он смешил ее своими па и умело подливал в бокал ровно столько, чтобы хмель не уходил, но чтобы и она не перебрала и держалась на ногах. И спустя пару часов и какие-то минуты неловкости они очутились в ее номере, где она и оттрахала его с хмельной энергией, граничащей со злостью, после чего вырубилась лицом в его живот. Он смотрел на нее, лежащую вот так, беззащитную и иссякшую, и это пробудило в нем нечто; он проследил изящный изгиб ее спины до самой округлости ягодиц, отметил гладкость кожи и то, как ее маленькие груди держали форму чуть не в любом положении, и пришел к выводу, что ее красота того рода, что раскрывается постепенно, и поздравил самого себя с тем, что разглядел это и заодно не остался без секса.

Он собирался уйти утром до того, как она проснется, но когда разлепил глаза, она была уже в душе, и это показалось невозможно грубым – уйти, пока она в душе, совсем не то же самое, как если бы она проснулась и обнаружила, что его уже нет, – хотя объяснить, в чем тут разница, он не мог. Так что они вместе позавтракали, она рассказала ему, что ждет получения лицензии на сделки по недвижимости, он рассказал ей про свою группу, и его как-то особенно тронуло, что она не причитала по поводу проведенной ими ночи и не говорила чего-то в духе "Я такого никогда не делаю" или "Я была абсолютно бухая", а это бы его точно задело. И так секс привел к отношениям, отношения – к браку, а брак – к появлению ребенка, и только когда было уже слишком поздно, он

осознал, что все свершилось лишь потому, что она проснулась раньше него, а влюбился он главным образом потому, что она не стала жалеть о том, что они переспали. О чем со временем, она, несомненно, еще пожалеет.

Глава 14

Врач, сообщающий ему, что он скоро умрет, – тот же самый человек, что через две с половиной недели женится на его бывшей жене. Либо это поэтический оправданный ход, либо какой-то кармический глюк, столь характерный для его жизни последнее время.

Рич Гастингс – худой высокий мужчина с узким лицом и кустистыми бровями, которые компенсируют его убывающую шевелюру и придают ему вид погруженной в раздумья совы. Это он купил Кейси машину и будет оплачивать обучение в колледже. Он не просто заменил Сильвера как мужа и отца, но и, очевидно, справляется с этой ролью куда лучше самого Сильвера. И все-таки Сильверу не удастся испытать к нему неприязнь, и вовсе не потому, что он плохо старался. Он немало энергии потратил на то, чтобы вызвать в себе здоровое презрение к Ричу. Но есть в Риче какое-то невозможное простодушие, отметающее всякий цинизм. И вдобавок он явно расположен к Сильверу, а такое с людьми случается крайне редко. И даже теперь, когда Рич сообщает ему, что он скоро умрет, Сильвер не находит в себе ни намека на неприязнь.

– У тебя расслоение аорты, – тихо и мрачно говорит Рич.

– Я не знаю, что это, – к Сильверу вернулся голос, хотя слова все еще звучат для него немного забавно – чужие, они

зависают в воздухе, пока не теряют свой смысл.

Рич берет расшифровку его томограммы. Не столько, чтобы показать всю эту разноцветную чепуху, сколько спрятаться за ней.

– На внутренней стенке твоей аорты есть разрыв.

– Не очень-то хорошо.

– Да, совсем нехорошо, – Рич откладывает бумаги. – Твоя кровь устремляется в разрыв, заполняет стенку, отчего слои аорты расслаиваются и набухают. Это еще называют расслаивающей аневризмой аорты.

– От аневризмы люди ведь умирают?

– Да, умирают. Но тебе повезло. Врачи скорой предупредили о ТИА. Они сделали МРТ и обнаружили расслоение.

– Рич!

– Да?

– Прекрати разговаривать как врач.

– Черт, прости, Сильвер.

Ему действительно жаль. Печать сострадания ложится глубокими морщинами на его широкий лоб, отчего брови выгибаются двумя гусеницами. В детстве Сильвер читал маленькой Кейси книжку про гусеницу. Гусеница проедала себе путь через фрукты и овощи, а потом и через твердые книжные страницы. Кейси это казалось смешным до слез. Сильвер так и не просек юмора, но ему просто нравился ее безудержный хохот.

ТИА – это транзиторная ишемическая атака. Нарушение

мозгового кровообращения. Вот почему ты временно потерял способность говорить.

– Ох...

– От крови, которая хлынула в разрыв, аорта раздулась, а из-за этого иногда образуются маленькие тромбы. Когда такие тромбы открываются и попадают в голову, это может вызвать нарушение разных функций.

На минуту Сильвер умолкает, свыкаясь с информацией. Он представляет свою аорту в виде размотанного садового шланга, погнувшегося и рваного. Образ как будто верный.

– Значит, я умру?

– Нет, – решительно отвечает Рич. Он поднимается. – Мы очень вовремя это поймали. Тебе нужна срочная операция, но после нее ты будешь как новенький.

– Все так просто?

– Ну, я не стану преуменьшать риски хирургического вмешательства, но ты молод и здоров...

– У меня аневризма. Только что была ишемическая атака. Я не чувствую себя здоровым.

– Ну, разумеется. Я просто имею в виду, что ты – идеальный кандидат для операции. Я бы хотел ее сделать первым делом прямо завтра утром.

– Ты бы один оперировал?

– Да, – он секунду всматривается в Сильвера. – Это проблема? Если да, то я могу...

– Нет.

– Точно?

– Я бы никого больше и не захотел.

– Рад это слышать.

– Если бы я собирался делать операцию. Но я не собираюсь.

Рич поражен чуть не так же, как и он сам. Глаза Рича в ужасе округляются. Рич – хороший человек. Сильверу хочется треснуть его.

– Сильвер, без операции ты умрешь.

– Когда?

– Точно сказать невозможно. Но аорта в конце концов прорвется, это я гарантирую.

– Я понимаю. Спасибо.

– Мне кажется, не понимаешь.

– Я умнее, чем кажется.

Рич растерянно озирается. Не сознавая этого, он делает полный круг в поисках ответа. Сегодня у него выходной. Он приехал специально.

– У тебя есть дочь, Сильвер.

– А у нее есть ты.

Только увидев, как Рич печально качает головой, Сильвер понимает, что произнес это вслух. Присутствие хороших парней вечно выпускает на волю его внутреннего идиота.

– Прости, Рич. Я не то хотел сказать.

Тот кивает, принимая извинения.

– Слушай... – начинает он.

Но Сильвер не в состоянии слушать. Он понимает, что Рич продолжает говорить, но его слова звучат какой-то невнятной тарабарщиной и сливаются с фоновым шумом. Все, что он слышит, – это кровь, пульсирующая в ушах, как прибой, и он закрывает глаза и проваливается в этот мягкий грозовой шум.

Он любил девушку по имени Эмили. Спасательницу. У нее были волнистые темные волосы, которые всегда выглядели так, будто их только что растрепал легкий ветерок. Их первый поцелуй случился вот так. Они сидели в его машине и обнимались на прощание. Они уже определили список причин, почему не могли быть вместе, причин, касавшихся в основном вопросов географии и хронологии, которые они уже дообсуждали до дыр. Посему она чмокнула его в висок, а он ее – в щеку, и потом они еще немного пообнимались. Он чувствовал, как она дрожит, чувствовал ее нежную кожу, скользившую по его куда более грубой, ее пальцы, ворошившие его волосы, их губы, ищущие друг друга, покуда, изобразив удивление, они наконец не встретились. И тогда с ахами и стонами они слились в жарком влажном поцелуе. Были веские причины, почему они не могли быть вместе, непреодолимые обстоятельства, которые ему уже не припомнить, но все, что у них было, – это сладостные, волнующие бесконечные поцелуи, ночь за ночью терзавшие его совершенной незапятнанной любовью, которую ему не дано было сохра-

нить.

Глава 15

Следующие несколько часов он очень смутно осознает присутствие кучки людей, которая с тихим гомоном все растет и рассредоточивается по палате. Здесь его родители, присевшие на подоконник и наблюдающие за ним, словно с театрального балкона. Его идеальный брат Чак, на три года младше, входит и выходит из комнаты, раздавая всем еду и принося родителям горячий кофе. Дениз в коридоре говорит по мобильному, наверное, обсуждает приготовления к свадьбе. А Кейси сидит в углу одна, свернувшись в единственном кресле, перекинув ногу через подлокотник. С каменным лицом она угрюмо глядит на него красными глазами. Он чувствует, что должен перед ней за что-то извиниться, впрочем, именно это он чувствует всякий раз при виде нее. И все же главное ощущение от происходящего – это, что он всех достал. Опять.

– Он проснулся, – говорит Кейси.

Рубен и Элейн оживляются. Чак откладывает в сторону сэндвич, который собирался съесть.

– Эй, – говорит он, – мы за тебя волновались.

– Почему вы все здесь? – спрашивает Сильвер.

Чак выглядит озабоченным.

– Ты в больнице, – произносит он медленно и громко, как для иностранца.

– Я знаю.

– Ты – мой брат, – говорит Чак.

Сильвер пожимает плечами.

– Мы не настолько близки.

Чак тут же обижается, а Сильвер недоумевает про себя, зачем он это сказал. Но не успевает он додумать, как в палату входят Дениз с Ричем. Она отлично выглядит в своем простом черном свитере и джинсах. Даже в этом состоянии онемения он испытывает резкую боль, будто где-то, где по-нежнее, ковыряют тупой бритвой.

– Ну, – строго произносит она, – ты снова с нами, Сильвер?

Что-то изменилось. Он не может определить, как именно, но все стало ярче, непосредственнее. Голос Дениз, больничные запахи, жужжание флюоресцентных ламп у него над кроватью.

– Я бы выпил воды, – говорит он.

– Ты бы сделал операцию, – говорит Дениз. – Завтра утром, в восемь. Я отменила наши планы на ужин, чтобы Рич мог хорошенько выспаться.

– Я буду в наилучшей форме, – замечает Рич с улыбкой.

– Очень мило с твоей стороны.

Дениз загорела, и ее кожа мягко сияет на фоне стерильной белизны палаты. Зубы кажутся белее, чем прежде, и он задумывается, это от контраста со смуглой кожей или она сделала отбеливание, готовясь позировать на свадебных фо-

тографиях.

– Значит, ты согласен на операцию? – спрашивает мать.

– Нет.

Дениз фыркает и качает головой от лица всей палаты.

– Ты придурок, Сильвер.

Непривычному уху тут послышалось бы раздражение, но он улавливает в ее голосе тревогу, останки былой любви, которые ее бесят, а его, пусть это и жалко, – греют.

Кейси приносит пластиковый стаканчик с ледяной водой. Он выпивает его залпом, в два жадных глотка, и наслаждается вкусом маленьких кубиков льда, тающих на языке. Он никогда раньше по-настоящему не понимал прелести того, как что-то тает во рту, так легко плавясь от жара вашего языка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.